

ным типам повести: по своду 1448 г. (в позднейшей работе А. А. Шахматов отказался от такой датировки свода, отнеся его к более раннему времени), по Московской летописи и по краткой редакции, содержащейся в Хронографе 1512 г. Этот вывод сделан А. А. Шахматовым на основании анализа картины Куликовской битвы; единственным источником этой картины в „Слове о житии“ А. А. Шахматов признает Летописную повесть, отрицая самостоятельное использование автором „Слова“ паримийного чтения о Борисе и Глебе (стр. 120). Ссылаясь на слова — „но токмо слышах много народ глаголющ: о горз нам, братье!“, — А. А. Шахматов полагал, что „составитель Слова присутствовал при погребении“, и что, следовательно, „Слово составлено вскоре после кончины Дмитрия Ивановича“ (стр. 119). 1390-ми годами датирует „Слово о житии“ и С. К. Шамбинаго в своей статье, посвященной повестям о Мамаевом побоище во II томе „Истории русской литературы“ (ч. I, стр. 208). М. Н. Сперанский (История древней русской литературы, М., 1914, стр. 365—366; М., 1921, стр. 37) считал „Слово о житии“ „более поздним (чем Задонщина и „Сказание о Мамаевом побоище“) и слабее отразившим влияние воинской повести Киевского периода“ памятником, который „тем сильнее отразил государственные принципы в лице Дмитрия Донского и тем яснее отметил религиозную тенденцию в фактических данных и их освещении“.¹

Итак, для исторической части „Слова о житии“ исследователями называется обычно единственный источник — Летописная повесть. Однако вопрос о соотношении исторических данных и их художественного выражения в биографии Дмитрия Донского с предшествующим изложением тех же событий в исторической литературе требует пересмотра.

С. К. Шамбинаго указывал в своем исследовании, что главным источником боевых картин в Летописной повести о Мамаевом побоище была повесть-житие Александра Невского, через которую в Летописную повесть вошли отголоски паримийного чтения о Борисе и Глебе. И для А. А. Шахматова и для С. К. Шамбинаго оба памятника — житие Александра Невского и паримийное чтение — в „Слове о житии“ отражены только через посредство Летописной повести. При ближайшем рассмотрении, однако, это утверждение не оправдывается.

Летописной повестью автор „Слова о житии“ пользуется весьма умеренно, стилистически отдаляясь от нее на протяжении всего рассказа о Куликовской битве и о связанных с нею событиях. Первый эпизод „Слова о житии“ — Мамай угрожает идти войной на русского князя. В Летописной повести этот эпизод правильно помещен после рассказа о поражении татар на Воже: разгневанный этой неудачей Мамай хочет отомстить русским. В „Слове о житии“ переговоры Мамай с „князьми и рядцами“ о предстоящем походе на Русь предшествуют битве на Воже. Самый эпизод изложен здесь стилистически иначе, чем в Летописной повести; сохраняется лишь общий смысл угрозы:

Слово о житии

Летописная повесть

преиму землю Рускую и церкви поидемь на Рускаго князя и на
хрстьянския разорю и веру их силу Рускую, яко же при Батыи

¹ Мысль о позднем происхождении „Слова о житии“ была высказана еще И. Снегиревым, в предисловии к изданию (Русский Ист. Сборник, т. III, М., 1833, стр. XVII): „В век Мамаева употребителей был этот род сочинения и, вероятно, тогда же древнее Сказание о битве Донского с Мамаем... переделано, переиздано и составило смесь песнопения с легендой, церковного слога с народным древнего с средним“. „Род очинений“, к которым И. Снегирев приравнивает „Слово о житии“, — похвальные слова святым, в частности Епифания Премудрого.